

О. С. Соина¹АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ,
ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ДОЛГА

Свобода в этическом смысле — многомерное понятие. Прежде всего свобода предполагает *связь* человека с определенным социумом, который создал и создает условия для его личностного становления, самоутверждения и самореализации. В случае совпадения личной моральной позиции человека и общественных нравственных предписаний мы имеем дело с состоянием *признанности* человека, с уважением его личного достоинства. Однако это особое состояние свободы как всеобщего признания морального достоинства личности не может достигаться посредством конформизма, частичной или полной утраты человеком своего «я», иначе это будет мнимая свобода.

Если единство и целостность общества достигаются благодаря бытующим в нем моральным представлениям, то есть основания определять моральную свободу как готовность человека разделять их со всеми членами общества. Действительно, тот, кто так или иначе нарушает принятые моральные нормы, рано или поздно становится изгоем и, по сути, несвободным человеком, ибо свобода от социума в итоге может обернуться духовным опустошением и деградацией личности, оторванной от социальных связей и зависимостей.

Однако драматизм человеческой жизни заключается в том, что *социальность* и *моральность* человека далеко не всегда совпадают. Это особенно остро проявляется в кризисные моменты развития того или иного общества, когда привычные моральные нормы и ценности перестают должным образом выполнять свои регулятивные и императивные функции. В таких ситуациях, как правило, не большинство, а меньшинство (и даже один человек) может взять на себя задачу морального оздоровления всего общества, при этом мерилом свободы становится готовность взять на себя миссию ниспровергателя моральной рутины, подавляющей свободное нравственное самоутверждение личности. Как правило, изначально эти люди становятся объектом жесточайшей критики и даже остракизма, однако на совершенно иных основаниях, нежели ревнители анархической версии свободы. Тем не менее именно они, а не их гонители и ниспровергатели, в конечном счете оказываются свободными в полной мере, свободными в самом точном и высоком значении этого слова. Таким образом, моральная свобода выступает здесь как своеобразный коррелят *правоты и истинности* позиции субъекта морального действия, рассмо-

тренного с позиции исторической перспективы его поступков.

Понятие ответственности в этике носит зеркальный, отраженный характер. Его трудно анализировать самостоятельно, вне связи с понятием свободы. Здесь она представляет собой особое моральное качество личности, побуждающее ее совершать те или иные поступки и отвечать за них перед людьми, обществом и самим собой. В традиционном этическом понимании ответственный человек — это тот, кто никогда никого не подводит, всегда четко исполняет свои профессиональные и моральные обязанности и неуклонно следует взятым на себя обязательствам. В жизни ответственность связана с моральной надежностью человека и отчасти с его нравственным разумом, способностью предвидеть последствия разных действий и обстоятельств, позитивных и негативных.

Несмотря на внутреннюю соотнесенность с идеей должностования, ответственность и долг — разные понятия. По существу, долг выступает как некий стратегический резерв нравственности, который действует как раз тогда, когда исчерпаны все возможности ответственности. Долг — это совершение моральных поступков тогда, когда уже «не работают» чувства привязанности, любви, благодарности. Это сухое и несколько холодное чувство, в нем нет теплоты и умиления, радости от совершения благих деяний. Оно предполагает поведение, совершаемое «по необходимости», по гражданской, семейной, сыновней, родительской обязанности. Избегать его — предосудительно, а следовать ему зачастую крайне тяжело для человека именно вследствие принудительной природы долга, его ригоризма и непреклонности. Ответственность, в отличие от долга, есть поведение не только добровольно моральное, но и исполненное положительных эмоций, *ответной* доброжелательной готовности совершить поступок, продиктованный изначально положительными действиями человека или социума; и этот добровольный *ответ*, не сводимый ни к какой изначально формулируемой обязанности, действительно *свободен*, ибо в основаниях своих исходит из порыва, а не принуждения. Если долг «утяжеляет» свободу, то ответственность, напротив, в каком-то смысле и есть свобода или, по крайней мере, неотделима от нее.

На наш взгляд, этический смысл категории ответственности отражает не просто мотивацию человека к моральным поступкам, а именно диалоговую сущность нравственных отношений людей, их изначально и очень глубокую потребность *отвечать* друг другу и друг за друга как в общесоциальном, так и в собственно моральном аспектах: поступком, чувством и словом. Ответственность подразумевает ответ добром на добро, а в некоторых пределах и на зло. Это особый, сложный тип социальных связей, вытекающий из последствий существования добра в мире. С уменьшением добра в мире снижается именно от-

¹ Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Живая историософия Ф. А. Степуна» (в соавт.), «Испытание добром: праксиологический и метафизический аспекты» (в соавт.), «Основы философии», «Стереотипы философского знания», «Экзистенциальная философия права Ф. М. Достоевского», «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» и др. Награждена дипломом и золотой медалью Ди Мерито (Diploma di Merito) Европейской научно-промышленной палаты.

ветственность, и в обществе неизбежно возникают «прорехи» в отношениях и смыслах, порожденные действиями безответственных людей, в чьих сердцах добро исчезает как в бездонном колодеце, не оставив ни следа в душе, ни нравственных переживаний. Холод и мрак, исходящие от таких людей, остужают и другие сердца, и когда общество становится тотально безответственным, оно стоит на краю гибели и в конце концов гибнет.

Удерживать общество от распада может осознание долга, актуализирующееся у немногих людей, особенно если они наделены властью и употребляют ее на то, чтобы восстановить в обществе порядок и ответственность. Несмотря на некоторое сходство в поведении людей ответственного и императивно-ригористического складов, между ними все же существуют весьма заметные этические различия. По сути, это разные антропологические типы, и любой наблюдательный человек это понимает. Человек долга бывает суров, но никогда — мил и приятен. Ответственный же как раз мил и приятен, на него можно положиться, на него можно рассчитывать. Человека долга опасаются и подозревают во всех грехах, человека ответственности с радостью принимают где угодно, потому что он никогда не подведет. В каком-то смысле наличие в обществе ответственного человека несколько расслабляет людей, и они охотно перекладывают на него свою долю ответственности, не принимая в расчет ни его возможностей, ни тем более его законного права на субъективную моральную независимость. Облегчая жизнь другим, ответственный человек создает вокруг себя атмосферу благожелательной участливости и радостной легкости бытия. В противоположность этому человек долга служит постоянным укором людям, что вынуждает их брать на себя дополнительные обязанности и исполнять их даже вопреки собственным склонностям. Однако, несмотря на позитивный эмоциональный компонент ответственности, она явно не может целиком базироваться на энтузиазме людей, который рано или поздно будет исчерпан. Поэтому в социальном-практическом плане и сама ответственность, и ее носители должны опираться на общественное мнение, выделяющее и поддерживающее разного рода созидательные порывы и начинания.

Нуждающаяся в общественном признании ответственность всегда публична и откровенна и потому находится «на поверхности», в то время как чувство долга коренится гораздо глубже. По сути, оно уходит своими корнями в онтологическую сферу, в духовную глубину морали, в «поддонный» инстинкт выживания и самосохранения человека, народа, нации. В этом смысле долг более иррационален, чем ответственность. Именно долг пробуждается в редко встречающихся людях с необыкновенной витальной силой, которые появляются в переломные моменты истории и как будто призваны свыше изменить ход событий, жизнь целой страны или судьбу нации. Возможно, через людей долга обычный человек в той или иной мере ощущает сверхлические ритмы истории, выражающиеся в трансцендентных повелениях, которые должны быть исполнены при любых обстоятельствах. В ме-

тафизическом плане долг есть специфическое проявление божественной любви к людям. В связи с этим не лишено смысла стремление Канта представить заповедь любви как заповедь долженствования. Философ определяет специфику морали, выделяя долженствование в качестве ее главного признака. Действительно, мораль как бы говорит человеку: ты должен творить добро, быть справедливым, честным, хранить свое человеческое достоинство, помогать старшим и младшим и т. д.

Однако Кант ошибается, сводя долженствование исключительно к понятию и чувству долга. Долженствование и долг — далеко не одно и то же. Долженствование есть нормативно-императивная сторона морали, долг же — понятие, отражающее особую форму моральной мотивации. Долженствование императивно, долг ригористичен. Долженствование есть сфера идеального бытия, ценностно и нормативно рекомендуемого поведения. Долг же, напротив, отражает сферу сущего, поступки людей, совершаемые вследствие осознания ими своих гражданских или иных обязанностей. Но долг никоим образом не тождествен обязанности. Обязанности — это то, что нужно делать. Долг — это сила, при помощи которой делается то, что нужно. Обязанности прописаны — долг предписывает.

Если образно представить себе долг как таковой, то это не что иное, как холодный меч, сверкающий своими гранями на солнце, внушающий страх, уважение и трепет, зовущий и принуждающий к деяниям посредством своей повелительной и грозной силы. И коль скоро ответственный человек подобен факельщику, освещающему путь заблудшему путнику, то человек долга — это «меченосец» (И. А. Ильин), грозно смотрящий на суровые реалии жизни и пытающийся упорядочить и организовать ее в соответствии с тем, что ему представляется важным и нужным.

Завершая анализ важнейших категорий этики с акцентом на их антропологическое содержание, считаем необходимым подчеркнуть, что человек долга, в противоположность человеку ответственности, не дорожит свободой, ибо субъективно не очень любит эмпирического человека, хотя объективно в критических ситуациях служит и человеку, и любви. И все же долг — это выхолощенная любовь, ее рациональный «остаток». Гегель писал по этому поводу: «Победа любви не означает, подобно победе долга, что враги ее подчинены ее власти; победа любви означает, что вражда преодолена. Для любви уже своего рода оскорбление, когда ее предписывают, когда ей, живой, духу дают наименование»¹. В этом удивительном суждении верно переданы достоинство и недостаток долга: его достоинство в том, что через долг утверждается мораль, а недостаток — в том, что утверждается *только мораль*, но она ниже любви, ниже Бога, который посылает дождь на добрых и злых, побуждает солнце светить всем без разделения людей на достойных и недостойных такого дара. Долг повелевает карать нравственно неблагонадежных, любовь же прощает и злодеев, если они обнаруживают готовность к исправлению.

¹ Гегель Г. В. Ф. Дух христианства и его судьба // Гегель Г. В. Ф. Философия религии : в 2 т. М. : Мысль, 1973. Т. 1. С. 142.

Таким образом, в решении проблемы свободы, долга и ответственности этика, с одной стороны, опирается на антропологию, с другой — вплотную подступает

к метафизике, где моральная свобода неизбежно граничит с духовной свободой, а моральный человек способен перерасти в праведника и святого.